

БАНАЛЬНАЯ ТЯЖБА

Письмо о конфликте в Ташкентском русском тюзте, подписанное «творческой коллектив», иную-го в редакции не удивило, да и, признаться, журналистского азарта броситься в гушу событий ни у кого не вызвало. Такими письмами из разных концов страны завалены редакции и, конечно, Союз театральных деятелей СССР. Театры бедствуют, публика покидает зрительные залы, а в самих творческих коллективах вспыхивают бунты, зарождаются мелкие и крупные «заговоры», борьба амбиций и просто банальные склоки.

Разбираться во внутритеатральных делах — занятие неблагоприятное и почти бессмысленное, уж слишком ранними, обидчивыми и непоследовательными эти творческие люди... Когда речь идет о театре эпатирующем, «общесоюзного» значения, когда идут «крупные ставки», есть силы достаточно мощные и яркие, то есть смысл пробовать и предлагать какие-то варианты (ну, снижем, разделим МХАТ на два театра), а когда конфликт в таком театре, как Ташкентский русский тюз, — делить нечего, и любой конфликт для самого театра губителен. И здесь уже не важно, будет ли художественным руководителем театра директор или главный режиссер, развалил ли главный партийную работу, в чем его главным образом обвиняют, а насколько он и его коллектив творчески состоятельны. Поэтому я, отправившись в Ташкент, решил, не вникая в распри театра, познакомиться с ним со стороны, в качестве рядового зрителя.

Мне удалось посмотреть три спектакля трех разных режиссеров, рассчитанных на три разные возрастные категории тюзского зрителя. Спектакль «И был день...» поставлен главным режиссером театра, главным виновником конфликта и пока его жертвой А. Найденовым по популярной пьесе А. Дударова «Свалда». Для этой пьесы, где драматург уж слишком нарочито сконцентрировал всевозможную «чернуху» (в ней есть и бляжи, и проститутки, и фашиствующие твердолобые молодцы), режиссер, избрав лирико-исповедальную интонацию, приглушил надрывистость пьесы и дав

возможность актерам существовать в сюжете пьесы без истерии и аффектации, сосредоточил внимание вокруг общечеловеческих тем: милосердия, веры, надежды, любви. Благодаря прекрасно разработанной световой и музыкальной партитуре, благодаря ориентации режиссуры на актеров спектакль обрел особую хрупкость, эмоциональную взрывчатость, и каждая роль в спектакле стала выпуклой и значительной (Руслана в исполнении Т. Смирных, Афганко Д. Пулоса, Пифагор В. Харьковского, Пастушок, сыгранный П. Егоровым и т. д.).

Спектакль «И был день...» — первый, увиденный мной на сцене Ташкентского тюзте. В его традиционной манере прилегли и умный, интеллигентный профессионализм режиссуры, и слаженность актерского ансамбля. А в том, что в тюзте сильная и по уровню актерского мастерства и по разнообразию индивидуальностей труппа, я убедился, посмотрев современную сказку «Училка «XXI» века» по пьесе В. Олышанского, где режиссер Г. Мустафаяев умело сочетал юмор, мелодраму и занятность фантастических трансформаций. Здесь наряду со старшими мастерами театра Н. Печориной, Т. Смирных прекрасно выступил дуэт молодых актеров — А. Соколов и М. Беллацева.

Наиболее жесткий из виденных мною спектаклей, пожалуй, «Замарашка» («Подонки») в постановке В. Бородина, по определенности режиссерских решений, по резности сценических приемов. Сам материал этой популярной пьесы польского драматурга Я. Гловатского о девочках-колонистках, напряженный, «болеевой», и режиссер не сменяет колонистскую зиготку, исследуя юности взаимодействия персонажей, надломы их психики. Главное внимание В. Бородин уделяет действенной стороне спектакля: стремительному развитию фабулы, цепи причин, неминуемо ведущих и трагедии. — попытке главной героини самоубийства. Скользят, быстро передвигаются по сцене милазные двухъярусные кровати (главный элемент оформления), то сжимающие сценическое пространство до маленькой звериной клеточки, то расширяющее его до бесконечности, перекрестный или бьющий по глазам свет — все подхлестывает и взвинчивает нерв спектакля. Одним из основных элементов ташкентской «Замарашки» стали мелодичные и пронзительные песни компо-

зитора А. Тихонова на стихи А. Блока, В. Хлебникова, Ф. Тютчева, являющиеся своеобразным комментарием к спектаклю, которые исполняет размещавшийся на сцене ансамбль «Балдаган». И не случайно именно тютчевские слова: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, И нам сочувствие дается, как нам дается благодать...» становятся лейтмотивом постановки, ведь спектакль говорит об ответственности взрослых за слабых и уязвимых детей своих.

И вновь здесь целый ряд прекрасно сыгранных ролей — Золушка (М. Беллацева), Режиссер (Н. Печорина), заместитель директора (Т. Смирных). В «Замарашке» заняты и участники театральной студии при тюзте, которые привнесли в него непосредственность своей юности и органичность.

Признаюсь, Ташкентский русский тюз не потряс авангардными изысками, но вызвал уважение своими профессионализмом, честным, заинтересованным служением искусству театра. С момента моего отъезда прошло почти три месяца, за это время в театре состоялись еще три премьеры, а конфликт все растет. Не знаю, насколько удачно А. Найденов справляется со своими партийными обязательствами, но то, что он состоителем как художественный руководитель, — это очевидно.

Да, конфликт в «рядовом» театре — дело обычное, банальное, рутинное. И все же сегодня, когда почти половина театров страны уже существует без главных режиссеров, когда даже на премьеры рядные театры едва собирают зал, когда ясно, что лишь тюзте способны воспитать потенциального зрителя завтрашнего дня, не она-заться бы в плену поспешных решений, в роли временщиков, решающих сиюминутные амбициозные проблемы. Ведь в подобных конфликтах победителей нет, есть лишь пострадавший — искусство сцены.

Петр КУЗЬМЕНКО.
(Спец. корр. «ЭС».)

ТАШКЕНТ.

Зритель и сцена (прим. к Сов. Кинотеатру).